

«Я работал — я писал стихи»

Труда. - 1996 - 3 февр. - с. 5.

Великий русский поэт Иосиф Бродский похоронен в четверг в 2 часа дня по нью-йоркскому времени на кладбище при церкви Святой Троицы в Манхэттене. Похоронам предшествовала панихида в одной из церквей Бруклина неподалеку от дома, где Иосиф Бродский прожил последние два года. В обеих церемониях участвовали только родные и близкие друзья поэта.

По решению семьи через год прах Иосифа Бродского будет перенесен в Венецию и перезахоронен на русском участке кладбища в Сан-Микеле, где находятся могилы Дягилева и Стравинского.

Не стало Иосифа Бродского... Трагическая весть эта сначала передавалась из уст в уста, пока наконец официально не объявили: скончался. Во сне. Сердце...

Сколько же пришлось испытать этому сердцу! Юношеская неприкаянность, поиски счастья, рано пришедшие стихи, попытки прокормиться скудным литературным заработком — на грошовые гоноары за перевод поэзии, теплая забота Анны Ахматовой, чьим благодарным учеником он считал себя с тех пор... И тут тоталитарное государство решает продемонстрировать на Бродском свою «безумную мощь»: поэта судят по обвинению в тунеядстве — видите ли, он мало зарабатывает. Судят, по существу, саму профессию поэта — свободного, не ангажированного властью. «Я работал — я писал стихи», — с достоинством возражает Бродский. «Кто причислил вас к поэтам?» — следует вопрос, и Бродский отвечает: «А кто причислил меня к роду человеческому?» Но приговор был преднесен — за «паразитический образ жизни» и «тлетворное влияние на молодежь» Бродского на 5 лет отправили в ссылку, на принудительные работы. Тогда, в 1964 году, поэту было всего 24 года. Жестокая, беспощадная расправа!

Вот ссылка отбыта, но власти решают: Бродский, в чью защиту всколыхнулось общественное мнение, опасен. И следует еще одна ссылка, теперь уже бессрочная: поэт изгнан из страны. Безмерную обиду нанесла Родина этому человеку. Он не жаловался, он молча нес эту обиду в себе. От этого и болело его сердце.

В России же остались переписанные от руки, перепечатанные на машинках тетрадки его стихов. Одну из таких тетрадок я бережно храню с тех пор. В эти стихи влюбляешься сразу...

Удивительно, но еще находятся люди, которые даже завидуют Бродскому: «Удачно выслали», и в результате — мировая слава, Нобелевская премия по литературе. Им не понять, что Бродский

— гений. И этого великого поэта-философа мы еще долго будем перечитывать, открывая для себя все новые горизонты Мысли и Красоты.

В последние годы Бродский жил в Нью-Йорке с женой Марией (русского происхождения) и их двухлетней дочерью Анной-Марией, писал и переводил стихи, читал лекции по сравнительному литературоведению и поэзии во многих университетах и колледжах Америки, много выступал: каждое его слово ловили. Он совершенно не щадил себя: курил, перед выступлениями пил кофе — чтобы взбодриться, чтобы каждый раз находить самые точные слова.

Бродский побывал во многих странах, думал о том, чтобы навестить Россию — теперь уже другую, новую, но в чем-то и очень прежнюю. Думал, но не мог решиться — сердце болело от той давней, незаслуженной обиды. В мыслях он возвращался — «ниоткуда — с любовью». Да, он любил Россию, любил свой родной град Петра. Ему хотелось знать, что происходит в нашей литературе, он много читал, открыл нам — оттуда! — нескольких интересных русских поэтов, которых у нас здесь позволяли себе роскошь «не замечать», призывал нас не замыкаться в своей словесности и читать лучших поэтов мира. Поляка Чеслава Милоша и итальянца Умберто Саба на русский перевел он сам, радовался за своего друга, креольского поэта Деррека Уолкотта (также Нобелевского лауреата), что его перевели на русский такие мастера, как Андрей Сергеев и Алла Шарапова, призывал перевести «трудного, интуитивного» Марка Стрэнда, лучшего на сегодняшний день стихотворца Америки. Волею судеб мне суждено было стать одним из двух поэтов, откликнувшихся на этот призыв Бродского. Ознакомившись с составом подборки переводов из Стрэнда — моих и американской переводчицы Беллы Мизрахи, бывшей москвички, — Бродский согласился написать

предисловие к грядущей публикации этих переводов в журнале «Иностранная литература». Мне больно думать, что эта статья, быть может, последней лежала на его рабочем столе. Кто знает, вдруг удастся восстановить текст по черновику...

«Не завидуйте Бродскому — он очень большой человек», — ответил в 1994 году на многочисленные вопросы публики о его знаменитом друге замечательный петербургский, а ныне московский поэт Евгений Рейн. Три инфаркта, две операции на сердце. Третьей, очередной, Бродский не дождался. Сердце — это как к тебе относятся люди...

Быть может, мы не скоро еще поймем, какого поэта потеряли. «На Васильевский остров я приду умирать», — писал в юности Бродский. Увы, судьба не дала даже этого.

НА СМЕРТЬ БРОДСКОГО

Ниоткуда — и к вечности... И удалялась Земля, ну, а календарю без труда удавалась зима, и остались Слова — начертаньями пыли на полке после снятия книг... Приоткрылась калитка в Ничто, словно гордым ежом распахнулись итоговый том и веселая злость расточает себя втихомолку.

«На Васильевский остров...» Увы, тебя примут снега антиподов. И в глотку стихами набьется пурга, и душа петербургско грустью растает бесследно между небом и нежностью... Не было радостных снов, лишь провалы в предсмертье... О белая, стылая кровь, ледяной Командор на могиле — как светоч последний...

Анатолий Кудрявицкий.

197